

УДК 321 (091)(4/9) +339.5 (091)

РОЛЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ И КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

© 2011 В.Н. Шкунов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 11.02.2011

Статья посвящена определению роли дипломатической и консульской службы в странах Востока в регулировании внешней торговли Российской империи в первой трети XIX века. Приведен анализ документов российских дипломатов, посвященных характеристике торгово-экономических связей России с сопредельными государствами Азии, а также экономической ситуации в стране своего пребывания.

Ключевые слова: страны Востока, консульская служба, дипломаты, внешняя торговля, торгово-экономическое соперничество, Российская империя, каналы торговли, Великобритания, Трапезунд.

Первая треть XIX века в истории российской внешней торговли стала временем существенных изменений, определивших дальнейший ход торгово-экономических отношений России с сопредельными странами Востока. Это было вызвано рядом причин. С одной стороны, победа России в войнах с Турцией и Ираном, заключение мирных договоров, в которых особо оговаривались вопросы взаимной торговли, казалось бы, открывали новые перспективы для продвижения отечественного купеческого капитала в сопредельные страны Азии. Однако, с другой стороны, торговая экспансия европейских держав на рынки Ближнего и Среднего Востока, усилившаяся во второй половине 20-х годов XIX века, существенно изменила расстановку сил на рынках Турции, Ирана, Средней Азии, что привело к изменению внешнеторговой стратегии российских властей и отечественных торговцев. Заметную роль в защите интересов российских купцов и предпринимателей на рынках сопредельных стран Востока в рассматриваемый период играли члены дипломатических миссий России в Турции и Иране.

Среди российских дипломатов, служивших в российских миссиях за рубежом, было немало по-настоящему талантливых, очень эрудированных, влюбленных в свое дело чиновников. За сухими строчками аналитических докладов, служебных записок, рапортов предстают тонкие знатоки Востока, люди, хорошо знавшие особенности экономической жизни страны пребывания, искренне отстаивавшие интересы отечественной торговли. Среди них – генеральный консул в Тебризе Н.П. Безак, посланник в Константинополе А.П. Бутенев.

Российское правительство, заинтересованное в развитии торгово-экономических отношений с сопредельными странами Востока, запрашивало

у дипломатов различные статистические сведения о состоянии торговли, давало указания по защите интересов отечественных купцов, а также вступало в деловую переписку с иранскими чиновниками по вопросам регулирования внешнеторговых отношений. К примеру, директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел России К.К. Родофиникин в письме государственному секретарю Ирана Мирзе Массулу от 25 февраля 1830 г. (письмо написано на французском языке. – В.Ш.), в частности, напоминал о беседе с иранским дипломатом во время встречи в Санкт-Петербурге. К.К. Родофиникин во время переговоров особое внимание обратил на «средства поощрять и все глубже развивать торговые отношения между двумя империями и их народами»¹. Аналогичную позицию высказывали и представители иранской стороны.

На протяжении всего рассматриваемого периода Россия была крайне заинтересована в расширении торгово-экономических отношений с Османской империей. Вопросы взаимной торговли неоднократно обсуждались на специальных заседаниях в Министерстве иностранных дел. Анализ архивных документов свидетельствует о том, что российское внешнеполитическое ведомство было прекрасно осведомлено о состоянии дел в соседней империи, владело информацией о развитии турецкой внешней торговли и т.д. Примером такого компетентного подхода служит «записка» статс-секретаря Д.В. Дашкова, зачитанная им на заседании Особого комитета по восточным делам в начале сентября 1829 г. Статс-секретарь представил не только экскурс в прошлое двусторонних отношений между Россией и Турцией, но и сделал особый акцент на торговых отношениях. Д.В. Дашков отметил, что в мирное время российские купцы в Турции «не несут никаких тягостей и живут в совершенной безопасности»². Несмотря на все

Шкунов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: usitot@mail.ru

противоречия, войны, торговля с южным соседом, по мнению статс-секретаря, положительно отразилась на экономическом развитии Причерноморья: «...наши черноморские порты процветали, несмотря на неудобства местоположения, и Одесса в несколько лет стала наряду со значнейшими торговыми городами в Европе»³. Д.В. Дашков в своем докладе привел конкретные предложения по улучшению российско-турецкой торговли, выступил за расширение торговых связей отечественных купцов со славянскими народами Балкан. Несомненно, многие положения глубокого аналитического доклада Д.В. Дашкова были основаны на донесениях российских дипломатов, работавших в Стамбуле.

Вице-канцлер К.В. Нессельроде в письме к российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу от 12 декабря 1830 г. писал о применении положений Адрианопольского договора по вопросам торговли. Он призывал четко следовать позиции российской стороны во всем, что касалось торговых преимуществ. При этом К.В. Нессельроде отмечал: «Позиция императорского министерства в этом вопросе определяется общим правилом: защищать надлежит, прежде всего, *российские товары*, а не так называемых российских купцов и подданных, злоупотребляющих в качестве таковых предоставленными им правами для прикрытия спекуляций, зачастую мошеннических»⁴. Эта четкая и достаточно жесткая позиция российского правительства явилась своеобразным ответом и указанием к действию дипломатам на многочисленные жалобы отечественных купцов на «притеснения», «несправедливость» и прочее, поступавшие в Санкт-Петербург. Купцы сетовали на обиды, чинимые им в Турции, при этом ни словом не обмолвливались о причинах, побуждавших турецкие власти к репрессивным мерам. Зачастую же торговцы были виноваты сами: обман покупателей, фальсификация товара, обвес, обсчет, обмер – все эти противоправные действия торговцев вызывали, вполне естественно, крайне отрицательную реакцию турецких властей.

На основании консульских донесений, обращений купцов в правительственные органы о состоянии российско-иранской торговли в Санкт-Петербурге принимались решения, направленные на защиту интересов отечественных торговцев и промышленников. Так, в марте 1831 г. Николай I подписал указ Правительствующему сенату о разрешении транзита иранского шелка через Астрахань и Таганрог для дальнейшего вывоза за границу⁵. Транзитные операции приносили немалые доходы посредникам, и об этом были хорошо осведомлены российские купцы.

Иначе обстояло дело в российско-среднеази-

атской торговле. Ни с одним из ханств у России в рассматриваемый период не было дипломатических отношений. Все попытки Санкт-Петербурга направить межгосударственные отношения в цивилизованное русло наталкивались на непонимание правительств ханств. Единственной возможностью решать проблемы двусторонних отношений оставались взаимные посольские миссии, которые периодически направлялись из российской столицы в столицы среднеазиатских владений. Вопросы внешней торговли обсуждались также во время визитов посланников ханов и бухарского эмира в Санкт-Петербург. К примеру, в марте 1831 г. эти вопросы стали предметом рассмотрения во время визита бухарского посланника Балтакули Рахматбекова⁶. В ответной грамоте бухарскому эмиру Насрулле император Николай I выразил надежду на упрочение торговых сношений между странами: «Мы надеемся, что российские торговцы, приезжающие в Бухарию, будут там покровительствуемы и защищены, подобно как и бухарцы в России получают во всех случаях законную защиту»⁷. Заметим, что цитируемая фраза – всего лишь дипломатический прием, поскольку на самом деле ситуация с правовой защищенностью российских купцов во время их пребывания по торговым делам в Бухарском ханстве выглядела совсем по-иному. Русские торговцы были исключительно редкими гостями на рынках Средней Азии. Это объяснялось рядом причин: более высокие пошлины для купцов-немусульман, захваты иноверцев в рабство, незнание языка, традиций и обычаев местного населения и т.д. Вот почему российско-среднеазиатская торговля была сосредоточена в основном в руках мусульман, российских подданных (прежде всего татарских купцов).

Следует отметить, что среднеазиатское направление российской внешней торговли существенно отличалось от турецкого и иранского. Если российские посланники в Стамбуле и Тегеране имели четкое задание отслеживать ситуацию с конкуренцией европейских и отечественных товаров на местных рынках, прилагать все меры к недопущению подрыва интересов отечественных предпринимателей и купцов, то в отношении товаров, доставлявшихся из Средней Азии (в том числе европейских) строгого запрета не было. Так, канцлер Н.П. Румянцев в письме от 25 июня 1810 г. писал в Оренбургскую администрацию «о нестрогом прикладывании запретительных постановлений против английских колониальных товаров, привозиться иногда могущих бухарцами в караванах, но о беспрепятственном пропуске на первый раз оных»⁸.

Еще одной особенностью регулирования внешней торговли Российской империи было

активное участие в этом процессе губернских властей, которые по поручению внешнеполитического ведомства и правительства выполняли конкретные поручения по внешнеторговым делам. В адрес генерал-губернаторов направлялись различные инструкции, указания, секретные письма и иные документы по вопросам внешней торговли. В губернские центры их поступало достаточно много. Без сомнения, губернские власти Оренбуржья, Астрахани, Западной и Восточной Сибири, кроме чисто административных полномочий, связанных с управлением губернией, исполняли и некоторые важные дипломатические поручения. В Санкт-Петербург с мест поступала самая разнообразная информация, касавшаяся положения дел в сопредельных странах Востока, о развитии российско-восточной торговли за отчетный год, о деятельности таможен, о приезде и отбытии из России иностранных подданных и пр. Послы из стран Востока также прибывали сначала к губернатору, а затем после решения всех организационных вопросов (питание, содержание лошадей, выделение денежных средств на проезд и прочее) отбывали в столицу Российской империи. Таким образом, на губернские администрации приграничных регионов страны возлагались определенные дипломатические, консульские (в частности, связанные с паспортным режимом) функции.

Инструкции и указания, поступающие из Санкт-Петербурга губернаторам, определяли четкую позицию правительства по тем или иным вопросам отношений с сопредельными странами Востока. Так, в письме от 30 сентября 1831 г. вице-канцлер К.В. Нессельроде в адрес генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова писал: «Нет сомнения, что водворение спокойствия в степях (имелись в виду казахские степи. – *В.Ш.*) полезно для нас во всех отношениях: и слабые пределы наши там обеспечиваются, и торговля расширяется, доставляя обильный источник богатства жителям Сибирского края»⁹.

Особое внимание российское правительство уделяло развитию российско-китайской торговли. Собственно дипломатических отношений в их классической форме между Российской и Цинской империями не было. Отчасти эти функции выполняла Духовная миссия во главе с архимандритом, находившаяся в Пекине. В адрес главы Духовной миссии поступали секретные инструкции, письма, указания, касавшиеся двусторонних отношений. Характерным примером является секретная инструкция, направленная Министерством иностранных дел архимандриту Вениамину Морачевичу 6 (18) февраля 1830 г. В ней отмечались заслуги главы Духовной миссии, который за длительное время пребывания в

Поднебесной смог прекрасно узнать Китай. В инструкции обращалось внимание архимандрита на необходимость активизировать деятельность миссии по расширению и улучшению взаимной торговли. В частности, была обозначена следующая позиция Санкт-Петербурга: «Правительство, в непрестанных попечениях своих о развитии нашей внутренней промышленности и об умножении сбыта произведений ее, желало бы приступить к убеждению китайцев проложить новую дорогу для торговли с нами открытием разменного места на Сибирской границе около крепости Бухтарминской, по следующим уважением»¹⁰. Цитируемый архивный документ весьма примечателен: в нем четко выражено стремление российского правительства к усилению торговли с Китаем, а также желание открыть новый канал торговли с Поднебесной по Сибирской границе. Близость китайского Синьцзяна к российской границе, возможность сбыта готовых отечественных изделий в этот обширный район делали новый путь через Бухтарминскую крепость весьма перспективным. Наконец, все традиционные китайские товары можно было значительно быстрее доставлять в Россию из Восточного Туркестана, нежели из Кяхты. Кроме этого, Синьцзян являлся центром пересечения важнейших торговых дорог, которые шли как из центральных провинций Китая на запад, так и торговых трактов из ханств Средней Азии, Тибета, Индии, Пенджаба, Ладакха, Кашмира и других регионов и стран Азии. Секретная инструкция была лично прочитана императором Николаем I, одобрена им и отправлена в Пекин с приставом Духовной миссии подполковником Ладыженским.

Активное проникновение англичан на рынки сопредельных стран Востока, усилившееся в 30-е гг. XIX в., вызывало беспокойство у российских дипломатов. В аналитических записках для Министерства иностранных дел они писали о подрыве отечественной торговли в центральных и северных районах Ирана, о наплыве европейских товаров в Турцию, о проникновении из Индии в Среднюю Азию английских товаров. В этих условиях, как отмечали российские дипломаты, отечественные купцы и владельцы предприятий должны были изменить не только свою тактику, но и в максимальной степени учитывать потребительские вкусы жителей стран Востока. Так, летом 1829 г. вице-канцлер империи К.В. Родфиникин в письме генерал-майору Н.А. Долгорукову по просьбе Департамента мануфактур и внутренней торговли дал поручение о присылке в Санкт-Петербург образцов «бумажных и шелковых цветных и узорчатых материй, какие наиболее употребительны в помянутой стране (Иране. – *В.Ш.*), дабы такими образцами снабдить и

руководствовать наших фабрикантов, занимающихся приготовлением товаров для Востока, и для Персии в особенности»¹¹. Кроме указанных изделий К.В. Нессельроде просил прислать в столицу цветные и узорчатые ситцы, нанку, штофы, парчу, платки, кушаки и шерстяные изделия, а также представить «точные сведения о стальных, железных, кожаных и сафьяновых изделиях, какими наиболее довольствуется Персия»¹². Департамент мануфактур и внутренней торговли интересовали также цены на указанные изделия, место их приобретения в Иране, «дабы здесь (в Санкт-Петербурге. – В.Ш.) тем легче было судить, могут ли наши отечественные мануфактуры выдержать соперничество с теми, которые снабжают Персию»¹³. Приведенный пример свидетельствует о том, что российские официальные власти при активной помощи дипломатов в странах Востока активно стали применять те же методы изучения рынка сбыта и потребительского спроса, какими успешно пользовались их европейские конкуренты.

С начала 30-х годов донесения о деятельности английских торговцев стали постоянными в отчетах российских дипломатов, что свидетельствовало как об усилении торгово-экономического соперничества в Иране и Турции, так и о стремлении Санкт-Петербурга быть в курсе событий, происходивших у южных границ Российской империи. Дипломаты сообщали не только о деятельности конкретных английских купцов и предпринимателей, но и давали характеристику ассортимента реализуемых товаров, цен, торговых оборотов. Особое внимание обращалось также на пути преодоления растущей угрозы российскому купечеству, на мероприятия, которые могли бы способствовать укреплению позиций России на рынках Ближнего и Среднего Востока.

Одних усилий правительства и российских дипломатов было мало, поскольку качество отечественных товаров, вывозимых для продажи в страны Востока, оставляло желать лучшего. Российский консул в Гиляне А.И. Ходзько в своем донесении в Министерство иностранных дел писал: «Довольно одного имени, что такой-то товар есть английский, чтоб вдруг цена и конкуренция на оный увеличились»¹⁴. Высокие цены на британские товары и успехи английских торговцев порой раздражали российских дипломатов. Тот же консул А.И. Ходзько считал цены на английские товары «бессовестно высокими» и в то же время признавал, что они расходились очень хорошо. Дипломат привел пример, как английский купец Рич заказал местным иранским художникам рисунки «одобряемых туземцами узоров». После чего предприимчивый англичанин предложил некоторым иранским купцам

отобрать из них понравившиеся. Спустя же два года Рич привез в Иран ситцы и набойки с точно такими же рисунками, которые ранее одобрили иранские торговцы. Российский консул с горечью отметил: «Успех венчал столь благоразумно обдуманное усилие. Он только 3 или 4 года занимался торговлей ситцев своего производства и, по уверению лиц, находящихся с ним в сношениях тесной дружбы, вывез из Персии 150 тыс. туманов чистой прибыли»¹⁵.

В первой трети XIX в. российские власти и предприниматели усилили внимание к каспийским рыбным промыслам. Осетровые породы рыбы, икра, вязига, клей являлись традиционными экспортными товарами, приносящими немалую прибыль российским промышленникам. Некоторые отечественные предприниматели, заинтересованные в аренде иранских рыбных промыслов, обращались к российскому полномочному министру при персидском дворе с просьбой об оказании содействия в предоставлении им астрабадских, гилянских и мазендеранских рыбных промыслов. В 30-е годы российские предприниматели настолько освоились на каспийском побережье Ирана, что включились в активное соперничество друг с другом. Это пример достаточно гибкого и прагматичного подхода к осуществлению внешнеторговой предпринимательской деятельности отечественных торговцев: не выдерживая конкуренции с английскими купцами, теряя прибыль на чисто торговых операциях, они переориентировали свои капиталы на рыбные промыслы, приносящие немалые доходы и позволявшие сохранить свои позиции в Иране.

Таким образом, в первой трети XIX века российские дипломаты, работавшие в постоянных миссиях в государствах Востока, в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности считали всемерное содействие развитию восточного направления российской внешней торговли. Высокообразованные, эрудированные, а нередко и просто неординарные, яркие и талантливые личности, российские дипломаты и консулы сделали немало для обеспечения интересов отечественных купцов на рынках сопредельных стран Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ АВПРИ. Ф. СПб., Главный Архив, I-1. Оп.781, 1830 г. Д.70. Л.24 об.

² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп.468. Д.1098. Л.90.

³ Там же. Л.91.

⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д.124. Л.573

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т.VI. Отд.I. С.212.

⁶ АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив, I-1. Оп.781. Д.71.Л.13-16.

⁷ Там же. Л.20-21.

⁸ Государственный архив Оренбургской области. Ф.6. Оп.10. Д.738. Л.1-2.

⁹ АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив, I-1. Оп. 781. Д.71. Л.64.

¹⁰ АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив, I-5. Оп.4. 1823 г. Д.1. П.14. Л.172-173.

¹¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Персии. Оп.528а. 1828-1830 гг.

Д.3. Л.10.

¹² Там же. Л.11.

¹³ Там же.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Персии. 1833-1837 гг. Оп.528а. Д.249. Л.69 об.

¹⁵ Там же. Л.70 об.

THE ROLE OF THE DIPLOMATIC AND CONSULAR SERVICE IN THE REGULATION OF RUSSIAN FOREIGN TRADE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

© 2011 V.N. Shkunov

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

This article covers the role the Russian diplomatic and consular service in Eastern countries played in the regulation of Russian foreign trade in the first third of the XIX century. The author analyzes some documents of Russian diplomats which contain characteristics of Russia's economic and trade relations with adjacent Asian states and the economic situation in their countries of residence.

Key words: Eastern countries, consular service, diplomats, foreign trade, economic and trade rivalry, Great Britain, Trabazon.